О

ПРИМИРЕНІИ

РУССКОЙ ЦЕРКВИ СЪ РИМСКОЮ.

сочиненіе

П. ГАГАРИНА,

переводъ

П. МАРТЫНОВА,

священниковъ Братства Іисусова.

ПАРИЖЪ.

А. ФРАНКЪ, НА РИШЕЛЬЕВСКОЙ УЛИЦѢ, 67.

1858

« Да будутъ совершени во едино. »

(Іоан. XVII. 23.)

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Настоящій трудъ — не что иное какъ переводъ сочиненія, изданнаго Отцемъ Гагариным̈ъ на французскомъ языкѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ : La *Russie sera-t-elle catholique?* (Paris, Dounіol, 1856, in-8°) Книга его, не смотря на малый объемъ свой, возбудила общее вниманіе не только въ Россіи, но и въ остальной Европѣ. Это лестнѣе всякихъ похвалъ и останется лучшею ея оцѣнкою. Въ Германіи, она появилась уже въ двухъ переводахъ, изъ которыхъ одинъ подъ заглавіемъ : *Wird Russlands Kirche das Papstthum anerkennen?* (Munster, 1857) — съ предисловіемъ и замѣчаніями барона Авг. Гакстгаузена, и сдѣланъ, такъ сказать, подъ глазами этаго плодовитаго писателя.

Не странно ли было бы, не имѣть на нашемъ языкѣ книги, писанной собственно для русскихъ, разбирающей вопросъ въ высшей

степени важный, для всѣхъ равно занимательный, и до сихъ поръ никѣмъ еще не тронутый? — Какъ не познакомить съ такимъ произведеніемъ по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ соотчичей, которые никакаго другаго языка, кромѣ своего, не знаютъ?

Вотъ что побудило меня издать сочиненіе от. Гагарина въ русскомъ переводѣ. Надѣюсь, что никто не станетъ винить меня въ запоздалости, если разсудитъ, что мы печатаемъ не въ Россіи, а во Франціи, и что настоящая книга есть явленіе въ своемъ родѣ первое.

При переводѣ, я ограничился однимъ французскимъ подлинникомъ парижскаго изданія, выпустивъ находящіяся тамъ Приложенія, состоящія изъ трехъ латинскихъ грамотъ Евгенія IV, Климента VIII и Венедикта XIV. Главнымъ моимъ стараніемъ было передать мысль Автора съ возможною точностью, въ чемъ не малымъ пособіемъ служило мнѣ дружеское и постоянное содѣйствіе самаго Сочинителя, за что и изъявляю ему мою искреннюю благодарность.

ВВЕДЕНІЕ.

Манифестъ, обнародованный Императоромъ Александромъ Вторымъ, по случаю заключенія мира, содержитъ въ себѣ прекрасныя слова. — Указавъ подвластнымъ себѣ народамъ выгоды, соединенныя съ прекращеніемъ войны, Государь говоритъ: « Да « будутъ сіи выгоды (мира) вполнѣ дости- « гнуты совокупными стараніями нашими « и всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ. « При помощи небеснаго Промысла, всегда « благодѣющаго Россіи, да утверждается и « совершенствуется ея внутреннее благоу- « стройство; правда и милость да царствуютъ « въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ

« новою силою стремленіе къ просвѣще-
« нію и всякой полезной дѣятельности; и
« каждый подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ
« равно справедливыхъ, всѣмъ равно покро-
« вительствующихъ, да наслаждается въ
« мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ. — На-
« конецъ, и сіе есть первое, живѣйшее
« желаніе наше, свѣтъ спасительной вѣры,
« озаряя умы, укрѣпляя сердца, да сохраня-
« етъ и улучшаетъ болѣе и болѣе обществен-
« ную нравственность, сей вѣрнѣйшій за-
« логъ порядка и счастія. »

Такова программа новаго царствованія. — Она застала меня въ изгнаніи; но изгнаніе не разрываетъ узъ связующихъ сердце съ любимою родиною. Тронутый до глубины души этимъ высокимъ и благороднымъ призывомъ, я спросилъ самаго себя, чѣмъ должно мнѣ отвѣчать на оный?

Тогда предстала предо мною, живѣе и прелестнѣе нежели когда либо, мысль, занимающая меня съ юныхъ лѣтъ; мысль, кото-

рой я обрекъ всю жизнь свою. Мнѣ казалось, что часъ ея осуществленія скоро ударитъ: потому что Монархъ, коему Провидѣніе вручило судьбы моего дорогаго отечества, выразилъ чувства и желанія совершенно согласныя съ нею, и безъ нея неосуществимыя.

Просвѣщеніе, правосудіе и милость, законодержавіе, общественная нравственность, и какъ основаніе всего этаго, вѣра, озаряющая умы и укрѣпляющая сердца — такія блага обѣщаны не рабскому и насильственному подражанію учрежденіямъ, обычаямъ и постановленіямъ чужеземцевъ, не поддѣльному возврату къ полу-образованному быту нашихъ предковъ, но одной свободной и разумной сдѣлкѣ, долженствующей примирить справедливыя требованія всесторонней гражданственности съ требованіями народнаго духа.

Весьма справедливо сказалъ Императоръ Александръ II, что общественный порядокъ

опирается на вѣрѣ. — Слѣдуетъ, примиреніе должно начаться прежде всего въ области вѣры. — Не одинъ уже вѣкъ тому, какъ русская церковь въ брани съ римскою, пора заключить миръ, но миръ честный и обоюду выгодный. Русская церковь можетъ пристать къ величественному лику вселенской церкви, и въ тоже время остаться и при своемъ достопочтенномъ обрядѣ, и при своемъ древнемъ чиноустройствѣ, и при своемъ славянскомъ богослуженіи, однимъ словомъ, при всемъ своемъ; и такимъ образомъ обновить узы нѣкогда связывавшія Востокъ и Западъ. Примиреніе это — дѣло трудное; оно встрѣтитъ не одну препону въ предразсудкахъ; но оно не невозможно, ибо не нарушаетъ ни однаго важнаго, возвышеннаго интереса. — Притомъ, рано ли, поздно ли, оно состоится: пребывать въ вѣчной брани — невозможно, а миръ выгоденъ всѣмъ.

Для заключенія его достаточно согласіе трехъ лицъ: Русскаго царя, Римскаго перво-

святителя, и русской церкви, представляемой ея епископами или Синодомъ. Когда они будутъ согласны, кто воспрепятствуетъ примиренію?

Обстоятельства же благопріятствуютъ тому какъ пельзя болѣе. Первосвященникъ, возсѣдающій на престолѣ Св. Петра, одушевленъ самыми миролюбивыми чувствами къ восточнымъ церквамъ. Русскіе Іерархи съ своей стороны вездѣ поощряютъ похвальныя противодѣйствія ученію протестантскому и Февроніеву. —Наконецъ, когда видѣли мы на Царскомъ тронѣ Монарха, болѣе способнаго благополучно совершить подобное предпріятіе? Не онъ ли положилъ конецъ послѣдней войнѣ? Не онъ ли подписалъ Парижскій трактатъ и манифестъ 31го марта? Онъ же, лучше другихъ, въ состояніи дать ходъ переговорамъ между русскимъ духовенствомъ и римскимъ Первосвященникомъ, свести ту и другую сторону на духовный конгрессъ, приложить свою цар-

скую руку къ трактату церковнаго мира, и тѣмъ начать новую эпоху не только для Россіи, но и для всей вселенной.

Парижъ, 29 Іюня, 1856.

Въ день Св. Апостол. Петра и Павла.

I

ОБРЯДЪ.

Тертулліанъ не вѣрилъ, чтобы Римскіе Императоры когда либо приняли христіанскую вѣру : « Кесари, писалъ онъ своимъ обыкновенно энергическимъ языкомъ, не могутъ быть христіанами, потому что они Кесари. » Ему казалось, что гордое могущество повелителей вселенной не могло подклониться смиренному игу креста Господня.

Подобная несовмѣстность существуетъ ли между Россіею и Католической вѣрою? Многіе, по видимому, такъ думаютъ, и по примѣру Тертулліана, готовы утверждать, что Россія не можетъ стать католическою.

Императоръ Константинъ торжественно опровергнулъ Тертулліана, и мы надѣемся, что Россія, въ свою очередь, докажетъ на дѣлѣ противное тѣмъ, которые не хотятъ вѣрить ея примиренію съ западною Церковью. Конечно, это примиреніе сопряжено съ большими затрудненіями; но затрудненія эти не непреодолимы; скажу болѣе, онѣ даже не такъ велики, какъ кажутся съ перваго взгляда, и какъ ихъ обыкновенно представляютъ.

И въ самомъ дѣлѣ, что надобно для этаго? Измѣнить устройство русской Церкви? ввести иную вѣру, иные обряды, иное духовенство? Ни мало.

Въ глазахъ Рима, русскіе епископы — истинные епископы; русскіе священники — истинные священники; приносимая ими на олтаряхъ жертва, т. е. тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа, также истинна. Въ русскихъ катихизисахъ не столько заблужденій, сколько пропусковъ; да и чего въ

нихъ недостаетъ, то богослужебныя книги дополняютъ и поправляютъ. Тоже самое надо сказать и объ устройствѣ русской церкви; въ ней есть, безъ сомнѣнія, плачевныя искаженія, введенныя противузаконными посягательствами мірской власти: отвергая ихъ, римская Церковь никогда не думала осуждать различій существующихъ между ея устроїйствомъ и своимъ собственнымъ. Было время, когда, несмотря на всѣ различія въ обрядахъ и устройствѣ церковномъ, Востокъ и Западъ составляли одну церковь, и духовныя чада той и другой были соединены узами одноїи и тойже вѣры и любви.

Эти-то времена желалось бы намъ созерцать снова; и всякій видитъ, что тутъ дѣло идетъ не о поглощеніи русской Церкви римскою, а просто о примиреніи. Для этого стоитъ только разсѣять предразсудки, мѣшающіе этому примиренію; и показать выгоды, съ нимъ соединенныя. Такова цѣль настоящаго сочиненія. А какъ вопросъ объ обрядѣ въ умѣ

русскаго человѣка занимаетъ едва ли не первое мѣсто, то съ него мы и начнемъ.

Многіе думаютъ, будто бы, когда дѣло идетъ о приведеніи какой либо частной церкви къ единству вѣры, Римъ всегда замышляетъ наложить ей свое богослуженіе, свои обряды, свое чиноустройство. Мнѣніе это совершенно несправедливо; но какъ несмотря на свою ошибочность, оно существуетъ, то и опроверженіе требуетъ нѣкоторыхъ подробностей. Въ изложеніи ихъ мы будемъ опираться на такія свидѣтельства, которыхъ законность и важность никто не отвергнетъ, а именно на буллу Венедикта XIV, одного изъ ученѣйшихъ Первосвятителей римской Церкви. Булла эта писана 26 Іюля 1755, и начинается словами: *Allatæ sunt*. Она напечатана въ четвертомъ томѣ Собранія его Буллъ, стр. 241. Не должно забывать, что Венедиктъ XIV составилъ ее послѣ глубокихъ изысканій объ этомъ важномъ вопросѣ объ обрядахъ, и что онъ начерталъ въ ней правила,

которымъ должно было слѣдовать въ возсоединеніи съ римскою Каѳедрою восточныхъ церквей, отъ нея отдѣленныхъ.

Говоря, между прочимъ, о миссіонерахъ, подвизающихся о примиреніи, онъ приводитъ всѣ ихъ обязанности къ двумъ главнымъ, а именно:

Во первыхъ. Они обязаны разсѣевать въ умахъ восточныхъ христіанъ заблужденія принятыя ими отъ прадѣдовъ, и чрезъ то отнять у нихъ всякій предлогъ къ дальнѣйшему разъединенію со средоточіемъ Христовой церкви, и къ неподчиненности римскому Первосвятителю. Къ достиженію этой цѣли — опираться преимущественно на древнихъ Отцевъ церкви греческой, которые въ догматическихъ вопросахъ совершенно согласны съ Отцами церкви Римской, и которые единогласно съ послѣдними осуждаютъ всѣ заблужденія позднѣйшихъ временъ.

Во вторыхъ. Они обязаны приводить восточныя церкви къ единству, безъ всякаго

посягательства на ихъ обряды, какъ противнаго намѣреніямъ и постановленіямъ римскаго престола; и что еще важнѣе, избѣгать съ величайшимъ тщаніемъ всякой попытки переводить ихъ въ латинскій обрядъ, потому что римскіе миссіонеры посылаются единственно для того, чтобы обращать иновѣрные народы въ католическую вѣру, а вовсе не къ римскому обряду[1].

Венедиктъ XIV не только излагаетъ тамъ эти начала, но и подтверждаетъ ихъ многочисленными фактами взятыми изъ церковной исторіи. Мы приведемъ изъ нихъ три или четыре, самые разительные, и притомъ относящіеся къ самой Россіи.

Въ XIII вѣкѣ, какъ извѣстно, были переговоры между Папою Иннокентіемъ IV и Даніиломъ Галицкимъ, о возсоединеніи церквей. Исторія передала потомству слова, коими папа выражаетъ какъ нельзя яснѣе свое согласіе на то, чтобы русскіе епископы

1. См. Буллу, *Allatæ sunt*, § 9. (Bullar. Bened. XIV. t. IV.)

и священники употребляли по прежнему квасной хлѣбъ за божественною литургіею, и вообще хранили всѣ обряды не противные католическому вѣроученію [1].

Есть еще другія двѣ буллы, одна Льва X, другая Климента VII, въ которыхъ оба папы сильно упрекаютъ нѣкоторыхъ Латинянъ за то, что они осмѣливаются порицать греческіе обряды, одобренные и признанные флорентійскимъ соборомъ, какъ то употребленіе квасnаго хлѣба, бракъ священниковъ предъ поставленіемъ, принятіе Св. Таинъ подъ двумя видами, обычай причащать младенцевъ [2].

Въ 1596 г. при Климентѣ VIII, нѣкоторые Епископы западной Руси, тогда подчиненной Польшѣ, возвратились въ нѣдра католической церкви. Знаменитый кардиналъ Баронiй, расказывая потомству это незабвенное событіе, помѣстилъ въ

1. См. Буллу: *Allatæ sunt*, § 9.
2. Тамъже, § 15

своей « Лѣтописи » и грамоту русскихъ святителей къ Папѣ. Въ этомъ крайне любопытномъ писаніи находится между прочимъ слѣдующее : « Сохранивъ неприкосновенными обычаи и обряды употребляемые въ совершеніи богослуженія и священныхъ таинствъ по чину восточной Церкви; и исправивъ единственно то, что противно единенію, дабы все совершалось по древнему обычаю, какъ то было вдревле вовремя единенія.[1] »

Для большей ясности, прибавимъ еще одинъ примѣръ. Въ 1720 г. уніатскіе епи-

1. Повѣствованіе Баронія было переведено на французскій языкъ уже въ 1599 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ : Discours de l'origine des Russiens et de leur miraculeuse conversion, et de quelques actes mémorables de leurs rois, en outre comment par laps de temps, ils ont quitté la vérité connue et maintenant une grande partie d'iceux se sont rangés à la communion du saint-siége apostolic, traduict en français du latin de Baronius, par Marc Lescarbot, advocat en la cour. A Paris, MDXCIX. — Недавно вышло новое, красивое изданіе, пересмотрѣнное и исправленное Княземъ Августиномъ Голицынымъ. (Paris, Techener, 1 vol. in-16, 1856.)

скопы собрались на соборъ въ Замойскѣ, гдѣ и подписали постановленія, въ силу которыхъ нѣкоторые изъ древнихъ обычаевъ славянскаго обряда измѣнены, а другіе даже совсѣмъ отмѣнены. Они считали себя обязанными ввести эти перемѣны; но когда, какъ водится, дѣянія собора поданы были на разсмотрѣніе Папѣ, Венедиктъ XIII долгое время не рѣшался подписывать ихъ, такъ что грамота его, подтверждающая Замойскій Соборъ, была дана только въ 1724 г. Да и подтверждая принятыя на немъ постановленія, Папа сдѣлалъ слѣдующее ограниченіе: «Впрочемъ, данное нами одобреніе Собора нисколько не должно быть предосудительно ни постановленіямъ римскихъ Первосвятителей, нашихъ предшественниковъ, ни уставамъ Вселенскихъ Соборовъ, касающимся обрядовъ, и долженствующимъ не смотря на сіе подтвержденіе сохранять всегда свою силу[1].»

1. Ita tamen quod per nostram prædictæ synodi confirmationem nihil derogatum esse censeatur constitutionibus romanorum Pon-

Это ограниченіе очень замѣчательно; оно нѣкоторымъ образомъ противоположно обычной формулѣ : *Non obstantibus*, которою заключаются папскія буллы и постановительныя грамоты. Обыкновенно въ подобныхъ грамотахъ Папы отмѣняютъ противныя постановленія, или собственныя или предшествовавшія; здѣсь же Венедиктъ XIII объявляетъ, что не смотря на его грамоту, всѣ прежніе уставы, ей противные, сохраняютъ всю свою силу и законность. Другими словами, это просто исключеніе сдѣланное по настанванію частнаго Собора, исключеніе не имѣющее никакой законной силы въ Церкви Вселенской.

И такъ Римскій престолъ непрестанно трудился о возсоединеніи восточныхъ церквей, поборая то что находилъ въ нихъ противнаго своему вѣроученію, но въ тоже время воз-

tificum prædecessorum nostrorum, et decretis Conciliorum generalium, emanatis super ritibus græcorum, quæ non obstante hujusmodi confirmatione, semper in suo robore permanere debent. (*Allatæ sunt*, § 16.)

давая должное уваженіе « достопочитаемому » ихъ обряду, какъ выражается Венедиктъ XIV. Несмотря на малые успѣхи прежнихъ попытокъ, Папы до сихъ поръ, не теряя надежды, продолжаютъ великое дѣло своихъ предшественниковъ. Доказательствомъ тому нынѣшній Папа Пій IX; въ самомъ началѣ своего первосвященствованія, онъ обнародовалъ окружное посланіе къ восточнымъ Іерархамъ, писанное въ томъ же духѣ примиренія, и ссылающееся на помянутую буллу Венедикта XIV, *Allatæ sunt*.

Но какъ этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ, то мы должны еще сказать кое-что въ отвѣтъ на нѣкоторыя возраженія. Мы утверждаемъ, что Римскій престолъ постоянно и искренно пекся о соблюденіи восточнаго обряда во всей его чистотѣ, такъ что не только отмѣненіе, но даже и измѣненіе онаго никогда не принадлежало въ его глазахъ къ числу условій мирнаго договора съ Востокомъ.

Намъ возражаютъ фактами. « Пусть такъ,

говорятъ; но каковы бы ни были опредѣленія и намѣренія Папъ, все-таки Латинскіе миссіонеры дѣлали совсѣмъ противное; откуда выходитъ, что на самомъ-то дѣлѣ Римская церковь всегда старалась переводить къ своему обряду племена восточнаго обряда, возсоединявшіяся съ нею. »

Правда, въ Турецкой Имперіи почти всѣ Греки католической вѣры перешли къ латинскому обряду, исключая развѣ Мельхитовъ Сиріи. Правда и то, что въ Польшѣ много католическихъ семействъ приняло обрядъ латинскій на мѣсто прежняго славянскаго. Факты эти допускаемъ и мы; но съ тѣмъ вмѣстѣ утверждаемъ, что они ничего не доказываютъ противъ насъ, и объясняются современными событіями, совершенно независимыми отъ воли римскихъ Владыкъ или римскихъ миссіонеровъ. Такъ въ Турціи до знаменитаго хатть-и-гумаюна (обнародованнаго 18 февр. 1856) всѣ христіане греческаго исповѣданія подчинялись константинопольскому Па-

тріарху. Тѣ изъ нихъ, которые признавали духовную власть Папы, очевидно не избѣгивали чрезъ то притѣсненій со стороны Патріарха, остававшагося, по прежнему, ихъ властителемъ, не духовнымъ, а мірскимъ. Избѣжать опыхъ инаго средства не было, какъ перемѣнить обрядъ : они и перемѣняли, и такимъ образомъ совершенно выходили изъ-подъ мірской его власти.

Изъ сказаннаго понятно, отъ чего и какъ католики греческаго обряда перешли къ латинскому. Льготы, данныя Султаномъ Абдулъ-Меджидомъ 18 февраля, лишили Патріарха мірской власти надъ соотчичами; не смотря на то, до сихъ поръ еще нельзя утверждать, что бы каждому Греку можно было безопасно приступить къ общенію съ римскою церковью, оставаясь при своемъ обрядѣ. Теперь пусть читатель разсудитъ, статное ли то было дѣло 100 или 200 лѣтъ тому назадъ?

Въ Польшѣ обстоятельства были инаго

рода, хотя переходы отъ славянскаго обряда къ латинскому совершались по причинамъ, похожимъ на предъидущія. Въ Польшѣ было два обряда, два языка, двѣ народности; перевѣсъ, разумѣется, былъ на сторонѣ поляковъ. Принимая латинскій обрядъ, грековѣрецъ принималъ и польскую народность, и становился, такъ сказать, гражданиномъ господствующей націи. Этаго, кажется, достаточно для того, чтобы объяснить приводимые противъ насъ факты. Подъ вліяніемъ подобныхъ побужденій, постоянно льстившихъ самолюбію и подстрекавшихъ честолюбіе, славянскій обрядъ естественно былъ угрожаемъ латинскимъ, а русская народность поглащаема польскою. Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что тамъ между обрядомъ и народностью существовала тѣснѣйшая связь. Если бы предѣлы настоящаго сочиненія позволяли развить нашу мысль во всей полнотѣ, весь вопросъ, будучи разсматриваемъ съ этой точки зрѣнія, озарился бы

разительнымъ свѣтомъ. Да позволятъ намъ покрайней мѣрѣ сдѣлать одно предположеніе. Вообразимъ себѣ на минуту, что Россія, сохраняя славянскій обрядъ, входитъ въ соединеніе съ Римомъ; предположимъ сверхъ того, что польская нація, принадлежащая къ латинскому обряду, находится въ тѣхъ же отношеніяхъ къ русскому Правительству и къ русской народности, въ какихъ находились въ прежніе вѣка Уніаты къ Посполитой Рѣчи и къ польской народности: что сталось бы теперь, въ сдѣланной нами гипотезѣ, то было въ ту пору въ дѣйствительности. Что касается до меня, я нисколько не сомнѣваюсь, что въ подобномъ случаѣ славянскій обрядъ сталъ-бы распространяться, безъ всякаго даже содѣйствія русскихъ Іерарховъ, такъ сказать по необходимости, и немало семействъ перешло бы изъ латинскаго обряда къ обряду господствующаго народа.

Эти размышленія показываютъ въ тоже

время одну изъ главныхъ причинъ отчужденія Россіи отъ католической вѣры. Для русскихъ и для русскаго Правительства, католическая вѣра и латинщина — слова однозначущія, точно также какъ латинщина и польщина; такъ что, по ихъ мнѣнію, успѣхи католической вѣры нераздѣльны съ успѣхами польской народности, и незнаю по какому сочетанію идей, все что благопріятствуетъ польской народности, благопріятствуетъ и духу революціонному. Однимъ словомъ, русскіе привыкли смѣшивать католицизмъ съ революціею. Что они грубо ошибаются, и что на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего противоположнѣе революціи какъ католическая вѣра, въ томъ я убѣжденъ какъ нельзя болѣе; но дѣло не въ томъ, справедливо ли такое мнѣніе или нѣтъ; а въ томъ, существуетъ ли оно въ Россіи или не существуетъ? Отвѣчаю положительно: да, существуетъ, и даже имѣетъ большой вѣсъ, и потому заслуживаетъ наше вниманіе.

Итакъ съ какой стороны ни посмотришь на настоящій вопросъ, приходишь къ одному и томуже заключенію. Изъ всѣхъ предразсудковъ препятствующихъ возсоединенію русской церкви съ римскою, самое злотворное состоитъ именно въ смѣшиваніи католическаго вѣроученія съ латинскимъ обрядомъ. Какъ скоро русскіе убѣдятся, что можно сдѣлаться католикомъ, сохраняя и причастіе Тѣломъ и Кровью Спасителя, и квасной хлѣбъ за Литургіею, и богослуженіе на славянскомъ языкѣ, и бракъ священниковъ, одна изъ главнѣйшихъ преградъ къ примиренію исчезнетъ; но пока они будутъ полагать, будтобы Римъ втайнѣ замышляетъ перевесть ихъ къ своему обряду, въ сердцахъ ихъ останется недовѣрчивость, и они не согласятся ни на какую примирительную мѣру.

Дай Богъ, чтобы сказанное нами озарило умы и разсѣяло предразсудки!

II

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО.

Русская Церковь нуждается въ независимости. Она сама это чувствуетъ; только напрасно она надѣется, что расторгнетъ оковы собственными силами. Первое условіе ея независимости — примиреніе съ Главою Римской Церкви.

Чтобы представить эту истину во всемъ ея свѣтѣ, надо показать, что между независимостью русской Церкви и ея единеніемъ съ Римскою существуетъ тѣсная, внутренняя связь, основанная не на случайныхъ обстоятельствахъ, но на самой природѣ вещей.

Церковь, учрежденная Іисусомъ Христомъ, есть единая и соборная. Этотъ двоякій признакъ ея проявился въ торжественный день Пятидесятницы, когда Апостолы, находившіеся вмѣстѣ въ Сіонской горницѣ, исполнились Духа Святаго, и начали говорить разными языками. (Дѣян. Апост. II, 4.)

Апостолы составляли тогда одно духовное тѣло; Духъ Святый сошедшій на нихъ съ полнотою даровъ своихъ былъ одинъ и тотъ же; Онъ озарилъ ихъ умы одними и тѣми же лучами; воспламенилъ ихъ сердца однимъ и тѣмъ же огнемъ; и говоря ихъ устами, вложилъ въ нихъ одно и тоже ученіе. Таково было первое и торжественное проявленіе церковнаго единства.

Съ нимъ вмѣстѣ проявился и вселенскій характеръ Церкви. Апостолы проповѣдуютъ однѣ и тѣже истины на разныхъ языкахъ; и представители разныхъ племенъ, приведенные Провидѣніемъ въ Іерусалимъ на ихъ чудесную проповѣдь, дивятся тому что слы-

шатъ ее на языкѣ себѣ понятномъ. (Дѣян. Апост. II, 8.)

Мало по малу Апостолы разсѣваются по вселенной, возвѣщаютъ благую вѣсть во всѣ концы земли, начавъ съ Іерусалима; и такимъ образомъ передаютъ новорожденной Церкви даръ всемірности, проявившейся уже въ день Пятидесятницы. Церковь распространяется, умножается, но остается единою, потому что остается по прежнему тѣломъ, одушевляемымъ Святымъ Духомъ.

Истина едина и повсемѣстна. Итакъ удивительно ли, что единство и всемірность принадлежатъ къ отличительнымъ чертамъ общества, обязаннаго преподавать истинное ученіе всему человѣческому роду? Но родъ человѣческій раздѣленъ на множество народовъ, и въ этомъ-то раздробленіи Церковь встрѣчаетъ сильную препону.

Общество связуется живою рѣчью. Естественно, что люди говорящіе однимъ и тѣмъ же языкомъ связаны между собою тѣснѣй-

шими узами, нежели разноязычные. Искони былъ одинъ языкъ[1]. Въ наказаніе за гордость, замыслившую воздвигнутъ Вавилонскій столпъ, Богъ смѣшалъ языкъ строителей; съ того времени пошло и различіе языковъ. Святые Отцы часто говорятъ объ этомъ событіи, выставляя противуположность между Вавилономъ и горнею, гдѣ пребывали вкупѣ Апостолы, въ ожиданіи Святаго Духа. Тамъ — несогласіе, безпорядокъ; здѣсь — согласіе и благоустройство. Но изъ того, что ученики Христовы имѣли одно сердце и одну душу, что они пребывали единодушно въ молитвѣ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы не долженствовало существовать никакаго различія въ языкѣ; слѣдуетъ скорѣе противное. Церковь явилась на землѣ не для того, чтобы уничтожить различіе племенъ и нарѣчій; но чтобы ввести новое, высшее и совершеннѣйшее единство, въ которомъ было бы просторно всѣмъ языкамъ, и всѣмъ

1. Быт. XI, 1.

народностямъ. Наперсникъ Христовъ созерцалъ въ тайновидѣніи безчисленную толпу избранныхъ изъ всѣхъ языковъ, племенъ и народовъ [1]; что Іоаннъ Богословъ зрѣлъ на небѣ, то воинствующая Церковь осуществляетъ на землѣ.

Итакъ разноплеменность вовсе не нарушаетъ единства Церкви; однако же это разнообразіе никогда не должно вредить великому закону церковнаго единства. Эти два начала конечно совмѣстны; не смотря на то они могутъ быть и во взаимной борьбѣ: порою духъ народности можетъ преступить указанные себѣ предѣлы, взять перевѣсъ надъ духомъ вселенскимъ, и даже расторгнуть церковное единство.

Остановимся здѣсь, и посмотримъ на Церковь съ иной точки зрѣнія. Мы сказали, что Церковь должна быть единою и соборною или всемірною; этаго мало; она должна еще быть независимою. Іисусъ Христосъ, верхов-

1. Апок. VII, 9.

ный Владыка неба и земли, возложилъ на нее обязанность указывать человѣку путь спасенія; онъ поставилъ ее непогрѣшимою учительницею своего закона, и ввѣрилъ ей свои божественныя Таинства. Итакъ Церковь обязана выполнить должность возложенную на нее самимъ божественнымъ Основателемъ; она должна окончательно рѣшать, что истина и что ложь, что правда и что неправда; допускать къ принятію Таинствъ, или не допускать; издавать законы, обязующіе совѣсть своихъ духовныхъ чадъ; блюсти за выполненіемъ своихъ уставовъ, и въ случаѣ нужды, карать законопреступниковъ. Для основанія Церкви, Спаситель и Господь Нашъ Іисусъ Христосъ не нуждался въ сонзволеніи мірскихъ властей; и Церковь, получивъ властъ свою отъ Него однаго, пользуется ею съ полною независимостью.

Какъ единство Церкви не вредитъ разноплеменности, такъ и ея независимость ни-

чуть не противна правамъ государства и правительства. Но и здѣсь опять борьба возможна, потому что эти два начала также соприкосновенны; и мірская власть, вышедъ изъ своихъ предѣловъ, можетъ сдѣлаться грозною для свободы Церкви.

Итакъ, съ одной стороны, единству Церкви угрожаетъ непомѣрный духъ народности; съ другой, ея свободѣ грозятъ притязанія и посягательства свѣтской власти.

Независимость Церкви и ея единство очевидно не одно и тоже; тѣмъ не менѣе справедливо и то, что на дѣлѣ онѣ себя взаимно охраняютъ. Какъ скоро частная Церковь ослабляетъ узы, связующіе ее съ Церковью Вселенскою, ея независимость въ опасности; и на оборотъ, когда Церковь теряетъ свою независимость, вскорѣ за тѣмъ узы единства въ ней слабнутъ и даже совсѣмъ разрываются.

Въ первые вѣка христіанства опасаться было нечего. Римская Имперія поглощала

своимъ всемогущимъ единствомъ всѣ частныя народности, одну за другою. Она служила въ томъ, хотя и безсознательно, Промыслу Божію, и приготовляла путь евангельской проповѣди и учрежденію христіанскаго общества. Съ другой стороны, языческіе императоры, смотрѣвшіе на христіанское вѣроисповѣданіе какъ на преступленіе достойное смертной казни, силились утопить Церковь въ крови собственныхъ ея чадъ, но не думали управлять ею.

Съ обращеніемъ Константина Великаго и основаніемъ Константинополя открывается новая эпоха, и вскорѣ за тѣмъ начинаются посягательства какъ на единство, такъ и на независимость Церкви, о которыхъ мы говорили выше. Но посягательства эти носятъ на себѣ особый отпечатокъ, и возникаютъ среди обстоятельствъ, которыхъ не должно терять изъ виду.

Римская Имперія дѣлится на двое : обѣ части съ каждымъ днемъ отдѣляются одна

отъ другой болѣе и болѣе, и становятся не только чуждою одна другой, но даже и непріязненною. — Греческая народность, сначала подавленная римскими завоевателями, снова пріобрѣтаетъ прежнюю независимость, и противустаетъ народности римской, сдѣлавшейся общимъ достояніемъ всѣхъ частей Западной Имперіи. Вскорѣ проявилось въ Церкви вліяніе мірской политики, національной ненависти, разнообразія племенъ и обычаевъ, такъ что мало по малу стали уже различать двѣ Церкви, Восточную и Западную, Греческую и Латинскую. Впрочемъ эти оттѣнки были сначала слабы; они еще не расторгали церковнаго единства; Церковь дѣлилась на двѣ половины, какъ и сама Имперія.

Тогда Востокъ не достигъ еще той неподвижности, въ которую впалъ онъ въ послѣдствіи. Напротивъ того, тамъ-то именно и сосредоточивалась умственная дѣятельность и жизнь; можно даже сказать, что на Во-

стокѣ, болѣе нежели гдѣ нибудь, видно было самое величественное развитіе всемірной истины, нашедшей тамъ, противъ нападеній лжеучителей, цѣлую рать учителей правовѣрія, которыхъ глубокою наукою и блестящими побѣдами справедливо гордится Церковь. Для нихъ мало было того, чтобы побороть заблужденія противниковъ тяжкими анаѳемами, учеными твореніями, непрестанною проповѣдью; они влагали въ уста народа духовныя пѣсни, въ которыхъ все ученіе Церкви содержалось вкратцѣ, и ересь опровергалась открыто. Вотъ отъ чего греческое богослуженіе носитъ на себѣ отпечатокъ богословскій, догматическій, и содержитъ безчисленныя орудія противъ лжеученія.

Когда же подумаешь, что блескъ и слава древней Галликанской Церкви могли обаять нѣкоторыхъ ея членовъ до того, что они упустили изъ виду гармоническую соразмѣрность Церкви Вселенской, тогда ста-

новится весьма понятнымъ ослѣпленіе Церкви, даровавшей міру Аѳанасія, Кирилла, Златоустаго, Василія и столько другихъ церковныхъ Учителей, сдѣлавшихся истиннымъ украшеніемъ и славою Вселенской Церкви.

Такимъ образомъ понятно, отъ чего Греки, увлеченные удивленіемъ и любовью къ своей Церкви, не оградили себя отъ искушеній народной гордости. Въ тоже время и Константиноградскіе правовѣдцы, совращенные началами законодательства языческаго, не умѣли ни разграничить духовной власти отъ мірской, ни опредѣлить отличительныхъ принадлежностей епископа внѣшняго и епископа внутренняго. Подъ вліяніемъ подобныхъ обстоятельствъ проявилось направленіе, начавшее вскорѣ угрожать независимости и единству Церкви. Дѣла церковныя стали смѣшиваться съ гражданскими; церковное управленіе захотѣли сосредоточить въ столицѣ Восточной Импе-

ріи; Церковь Греческая становилась болѣе и болѣе національною, помѣстною и отдѣлялась отъ Церкви Вселенской; духовная власть сосредоточивалась въ рукахъ Цареградскаго Владыки, а онъ въ свою очередь сталъ болѣе зависѣть отъ свѣтской власти.

Кто не видитъ въ этихъ проявленіяхъ сходства съ тѣми, коими нѣкогда Ришеръ и Февроній хотѣли было одарить нѣкоторыя страны? Какъ назвать такое стремленіе? до сихъ поръ ни одно выраженіе не получило еще права гражданства: для большей ясности и краткости, мы назовемъ это стремленіе византійствомъ.

Противуставлять всеобъемлющему духу Вселенской Церкви духъ народности; сосредоточивать управленіе національной церкви въ рукахъ одного Іерарха или собора Іерарховъ, покорнаго мановенію мірскаго Главы, и въ тоже время ослаблять по возможности узы, связующіе эту церковь съ Соборною,

Вселенскою, вотъ что проявилось впервые въ Византіи, и что мы разумѣемъ подъ именемъ византійства.

Церковная Исторія показываетъ, что направленіе такаго рода можетъ существовать довольно долго, и даже въ большемъ размѣрѣ, не разрывая вполнѣ единства : такъ было на Востокѣ. Византійство гораздо древнѣе раскола; но какъ зло росло съ каждымъ днемъ, то отъ времени до времени бывали настоящіе разрывы; эти разрывы, повторяясь неоднократно, приняли наконецъ характеръ той неизмѣнности, которую мы видимъ въ настоящее время.

Съ паденіемъ Восточной и Западной Имперіи и обѣ половины вселенской Церкви, извѣстныя подъ именемъ Церкви Греческой и Латинской, Восточной и Западной, являются въ иномъ видѣ. Впрочемъ эти названія не совершенно точны. И въ самомъ дѣлѣ, пока римская Имперія была раздвоена, ихъ можно было употреблять, потому что

опѣ выражали взаимное положеніе обѣихъ половинъ Церкви, равно какъ и языкъ, господствовавшій у той и другой въ службѣ, въ законахъ и въ твореніяхъ ихъ Учителей. — Но теперь совсѣмъ иначе : теперь существуетъ только одна Церковь, а именно подвластная Папѣ; она раскинулась по всему лицу вселенной, на сѣверѣ и на югѣ, на востокѣ и на западѣ. Къ ней принадлежатъ народы говорящіе всякими языками; ея единство таково, что допускаетъ всѣ обряды, и названіе западной, латинской ей болѣе не идетъ.

Есть и другая Церковь, выдающая себя за преемницу Церкви Греческой, Восточной ; но какъ она отлична отъ прежней! Въ древнемъ Александрійскомъ Патріархатѣ, она теперь считаетъ только 5,000 послѣдователей, въ Іерусалимскомъ — 25,000, а въ Антіохійскомъ — 50,000; всего слѣдовательно только 80,000 въ трехъ изъ четырехъ обширнѣйшихъ Патріархатовъ, имѣвшихъ въ древности такое

множество Іерарховъ. Цареградскій Патріархатъ, правда, многочисленнѣе прочихъ; да и въ немъ какой упадокъ! По мѣрѣ того, какъ народы и государства перестаютъ зависѣть отъ Цареградскаго Падишаха, они провозглашаютъ въ тоже время и независимость своихъ церквей отъ власти Цареградскаго Патріарха, такъ что, если судить только по настоящему состоянію этихъ четырехъ Патріархатовъ, выходитъ, что на самомъ дѣлѣ не осталось почти ничего отъ древней Восточной Церкви, нѣкогда столь цвѣтущей. Вотъ къ чему привелъ ее византійскій духъ; обративши ее въ церковь помѣстную, областную, государственную, онъ лишилъ ее всякой самостоятельности, разорвалъ союзъ ея съ Церковью Вселенскою, и наконецъ нанесъ ей смертельный ударъ. Она перестала приносить плоды и цвѣты, и изсохла какъ умершее дерево. И не удивительно: могло ли быть иначе съ вѣтвію отдѣленною отъ своего ствола, лишенною животворныхъ соковъ? Не

разъ пыталась она возсоединиться со средоточіемъ единства, напрасная попытка! Чтобы сообщить этому громадному тѣлу струю божественной, сверхъестественной жизни, надо было не только возстановить внѣшнее общеніе, но кромѣ того извлечь смертоносный ядъ византійства, оставшійся въ ея нѣдрахъ. Не надо забывать, что византійство не расколъ, а дорога къ расколу; точно такъ какъ ядъ не смерть, но причина смерти. Византійство имѣло въ виду одно: торжество греческой Церкви, греческой Имперіи, греческой народности. Этимъ видамъ пожертвовало оно и церковнымъ единствомъ, и собственною независимостью; а изъ возникшей отсюда борьбы вышло что? Паденіе греческой Церкви, а съ нею и паденіе греческой Имперіи и греческой народности.

Но чтобы не допустить эту древнюю и знаменитую Церковь до конечной гибели, Господь возбудилъ новый народъ, предназначивъ ему, по видимому, возстановить ее въ

прежнемъ блескѣ. Народъ этотъ — Славяне. Три четверти Славянъ принадлежатъ къ восточному обряду, съ тою только разницею, что ихъ церковный языкъ родной, славянскій. Кого не поразитъ отличіе отрасли славянской отъ греческой, хотя та и другая одного и того же обряда? въ одной — многочисленность, сила, крѣпость; въ другой — скудость, немощь, дряхлость. Изъ однѣхъ статистическихъ показаній противуположность дѣлается уже осязательною.

Всѣхъ Христіанъ восточнаго обряда, Славянъ, Грековъ, Молдаванъ, Валаховъ, Грузинцевъ, итд., насчитываютъ до семидесяти мильоновъ. Изъ нихъ около 60 — Славянъ; а если вычесть изъ остаточныхъ 10 или 12 мильоновъ всѣхъ тѣхъ, которые не Греки, то число Грековъ окажется очень незначительнымъ; Славяне же восточнаго обряда принадлежатъ по большей части Россіи. Итакъ Россіи суждено возстановить древнюю Восточную Церковь.

Посмотримъ теперь, какъ она выполняла до сихъ поръ свое призваніе. Мы видѣли, что Византійство погубило и греческую Церковь, и греческую Имперію; посмотримъ теперь, съумѣла ли предохраниться отъ него русская Церковь и русское Государство.

Россія приняла Христіанскую вѣру изъ Константинополя, и первопачально духовенство ея было Греческое. По видимому, она должна была совершенно покориться вліянію византійскаго духа; вышло иначе: разнаго рода обстоятельства помѣшали Церкви византійской поглотить русскую.

Во первыхъ, Греческіе Императоры не имѣли никакой власти надъ кіевскими Князьями. Притомъ рѣзкая противоположность между греческою и славянскою народностью, поставила русскую Церковь въ совсѣмъ особенное положеніе. Кромѣ того, занимая между митрополіями, подчиненными Цареградскому Патріарху, 60ое или 70ое мѣсто, русская Церковь могла, кажется, имѣть до-

вольно глубокое сознаніе въ томъ, что она только членъ Церкви Вселенской. Наконецъ прибавимъ и то, что въ тѣ отдаленныя времена русскіе Князья питали къ своей Церкви особенное благоговѣніе, и едвали были склонны къ посягательству на ея права.

При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ независимость русской Церкви держалась до XII и даже до XIV вѣка. Конечно, и здѣсь, какъ вездѣ и всегда, встрѣчаешь порою частныя посягательства; но говоря вообще, этотъ періодъ носитъ на себѣ печать самостоятельности. Монастырей-множество; духовенство — въ чести, ограждено большими льготами, богато, завѣдуетъ своими имѣніями свободно. Можно даже сказать, что русская Церковь увлечена была въ расколъ какъ бы случайно. Кіевскіе Митрополиты зависѣли въ іерархическомъ отношеніи отъ Царяграда. Когда Византія отторглась отъ Рима, ударъ постигъ, разумѣется, и Кіевъ, и отдѣлилъ его отъ средоточія единства; но

русскіе оставались еще долго чуждыми страстямъ Грековъ, такъ что разъединеніе Церкви русской и римской было, такъ сказать, внѣшнее, наружное.

Между тѣмѣ византійское духовенство старалось внушить русскому свои предубѣжденія, свою ненависть къ Латинянамъ, и успѣло въ своихъ стараніяхъ. Русская Церковь уединялась болѣе и болѣе; и когда Московскіе Князья стали посягать на свободу своей Церкви, тогда она не могла уже считать ни на кого, кромѣ самой себя. До сихъ поръ еще не написана печальная и трогательная исторія борьбы русской Церкви, отдѣленной отъ Запада и постоянно предаваемой Востокомъ, съ возраставшимъ властолюбіемъ Московскихъ Велнкихъ Князей и Государей. Въ этой исторіи есть прекрасныя страницы : ибо хотя Церковь русская и пала, однако же пала не безъ битвъ и не безъ славы.

Іоаннъ III признавалъ, если не личнымъ убѣжденіемъ, то по крайней мѣрѣ своимъ

потворствомъ и въ лицѣ своихъ клевретовъ, ересь, коей цѣлію было просто замѣнить христіанскій законъ іудейскимъ. Самъ митрополитъ Московскій былъ изъ числа приверженцевъ этой секты, прозванной жидовщиною; не смотря на то, русская Церковь нашла въ себѣ еще столько твердости и сознанія свободы, что осудила это нечистое ученіе, хотя оно и находило себѣ покровительство подъ сѣнію царскаго трона.

При Іоаннѣ Грозномъ, который такъ похожъ на Генриха VIII, видимъ тоже. Когда онъ лилъ рѣкою кровь собственныхъ подданныхъ, и попиралъ ногами церковную власть, изъ удовлетворенія своимъ страстямъ, митрополитъ Московскій Филиппъ высказалъ Государю правду безъ боязни, съ апостольскою свободою, и не усумнился запечатлѣть укоры пролитіемъ собственной крови.

Между тѣмъ Церковь теряла свои права болѣе и болѣе; и когда Годуновъ пожаловалъ Московскаго митрополита патріархомъ

(1588 г.), вся цѣль его была даровать Царю болѣе могучее и послушное орудіе. Народныя смуты 1612 г. разстроили планы Годунова. Тогдашняя революція, вознесши на престолъ новую династію, и положивъ новыя основы всему Государственному устройству, благопріятствовала церковной свободѣ и независимости.

Юный Михаилъ Романовъ избранъ былъ на царство единственно ради своего родителя, Филарета, возвышеннаго въ свою очередь въ патріаршеское достоинство. Съ тѣхъ поръ патріаршеская власть стала противовѣсить власти самаго Царя, и покровительствовать свободѣ Церкви. — Правда, и тогда русская Церковь не возвратила себѣ всѣхъ потерянныхъ правъ; однакоже она имѣла по крайней мѣрѣ средства защищать себя и требовать все подобавшее себѣ. Она нуждалась во внутреннемъ преобразованіи; такое предпріятіе было тогда не свыше силъ духовенства, и потому казалось возможнымъ. И въ

самомъ дѣлѣ оно было начато Патріархомъ Никономъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ мужей, какихъ когда либо произвела Россія. Борьба Никона съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ была долгая и драматическая. Восточные Патріархи, по своему обычаю, предали русскую Церковь за деньги. Никонъ палъ — съ нимъ пала свобода и независимость русской Церкви; съ того времени борьба сдѣлалась невозможною, и вотъ уже около двухъ вѣковъ какъ Россія снѣдаетъ горькіе плоды торжествующаго византійства.

Уничтоженіе Патріаршества, учрежденіе Синода, Духовный Регламентъ, посредствомъ котораго Петръ Первый, возмутилъ всю Церковь подъ предлогомъ управленія оною, похищенія Екатерины II, однимъ словомъ, всѣ дѣянія Русскаго Правительства противныя правамъ и свободѣ народной Церкви, заключались въ осужденіи Никона, какъ въ зародышѣ. Вмѣстѣ съ длиннымъ рядомъ беззаконій, идетъ не менѣе длинная цѣпь не-

бесныхъ каръ. Династія, гнавшая Никона и уничтожившая патріаршеское достоинство, изчезла. Духовенство и дворянство, частію виновники, частію сообщники вопіющихъ неправдъ, получили заслуженную мзду; а конецъ еще не пришелъ. Раскаянія нѣтъ; удовлетворенія нѣтъ; кары еще будутъ [1].

Я знаю, въ настоящее время видно въ умахъ движеніе въ пользу освобожденія Церкви. — Это хорошій знакъ, и я радъ ему отъ всего сердца. Но мы не лелѣемся тщетными мечтами, и выскажемъ смѣло всю истину. Византійскій духъ не только не ослабъ въ Россіи, но еще крѣпнетъ со дня на день. При видѣ нѣкоторыхъ членовъ русскаго духовенства и малочисленныхъ приверженцевъ

1. См. сочиненіе Пальмера: *Dissertations on the orthodox communion*, London, 1853; особенно разсужденіе 4ое и 5ое. Книга Пальмера заслуживаетъ особеннаго вниманія русскаго духовенства, не смотря на то что писана предъ обращеніемъ сочинителя въ Католическую вѣру, и имѣетъ кое-какіе недостатки. Едва ли найдешь у другихъ столько занимательныхъ свѣдѣній о настоящемъ предметѣ; читая Пальмера, нельзя не призадуматься.

церковной свободы, шопотомъ поговарпвающихъ о своихъ завѣтныхъ несбыточныхъ надеждахъ, не надо упускать изъ виду другихъ явленій. Церковь и Государство, начало духовное и начало народное, сливаются въ одно болѣе и болѣе. Мы поговоримъ объ этомъ послѣ, въ главѣ IV, когда коснемся успѣховъ революціи въ Россіи; а теперь должно сказать кое-что о настоящемъ положеніи русскаго духовенства, и о ролѣ, которую онъ могъ бы играть въ дѣлѣ конечнаго возсоединенія русской Церкви съ римскою.

III

РУССКОЕ ДУХОВЕНСТВО.

Всѣмъ извѣстно, до какой степени русское духовенство зависитъ отъ мірской власти. Униженіе это-не новость; ново только большее сознаніе онаго въ народной совѣсти. Уже начинаютъ предчувствовать пагубныя слѣдствія подобнаго порядка вещей : уже спрашиваютъ, какъ помочь бѣдѣ? Если вѣрить нѣкоторымъ людямъ, помочь вовсе не трудно.

Стоитъ только созвать Соборъ въ Кремлѣ : патріаршій престолъ, порожній и одѣтый чернымъ покровомъ, наглядно изобразилъ бы вдовство русской Церкви; Соборъ провозгласилъ бы упраздненіе Синода, освобожденіе русской Церкви, поставилъ во

главѣ ея, свободнымъ выборомъ, патріарха, и ввѣрилъ ему охраненіе возрожденной свободы Церкви. — Таковы мечтанія не одного русскаго; но какой мыслитель повѣритъ имъ? Дать московскому митрополиту патріаршій титулъ — дѣло конечно не трудное; только такой патріархъ или не болѣе Синода противостанетъ притязаніямъ мірской власти; или же, предположивъ противное, что весьма невѣроятно, поглотитъ царскую власть, и станетъ духовнымъ царемъ. — То же должно сказать и о Соборѣ: онъ или будетъ уступчивъ и покоренъ внушеніямъ оберъ-прокурора, какъ нынѣшній Синодъ, или превратится въ какую нибудь Конвенцію, которая неминуемо повергнетъ Россію во всѣ ужасы безначалія.

Нѣтъ, единственное средство освободить русскую Церковь — примириться съ Римомъ. Римскій Первосвященникъ, русская Церковь и русскій Царь — вотъ кому предлежитъ начертать основныя начала этаго примире-

нія. Папа предложитъ условія необходимыя для сохраненія церковнаго единства, и въ тоже время обезпечитъ какъ права и льготы русской Церкви, такъ и законную власть русскаго Монарха. Русская Церковь потребуетъ сохраненіе своихъ обрядовъ, своего древняго устройства, и въ то же время найдетъ себѣ въ римскомъ Первосвященникѣ сильнаго защитника противъ непомѣрныхъ притязаній свѣтской власти, а въ русскомъ Царѣ мощнаго заступника своихъ древнихъ постановленій и обычаевъ при римскомъ Дворѣ. Наконецъ Государь, согласившись на точное и законное разграниченіе духовной и мірской власти и ихъ взаимныхъ правъ, возвратитъ духовенству свободу и достоинство въ той мѣрѣ, которая совершенно необходима для того, чтобы оно могло выполнить свое высокое призваніе. Въ то же время онъ найдетъ въ Папѣ бдительнаго хранителя царской власти, всегда готоваго обуздывать притязанія духовенства, могущія сдѣлаться

крамольными. Такимъ образомъ договоръ, приготовленный свободными переговорами помянутыхъ трехъ властей, и признанный ими добровольно, обезпечилъ бы права каждой, и былъ бы, разумѣется, внѣ области бурныхъ страстей и личнаго своеволія.

Здѣсь представляется вопросъ, къ которому приступаю безъ боязни : что скажетъ русское духовенство о предлагаемомъ возсоединеніи обѣихъ Церквей ? — Я полагаю, что покамѣсть духовныя лица не только имъ не занимаются, но даже противятся оному. Не смотря на то, кажется мнѣ, примирить ихъ съ этою мыслію не невозможно. Русскаго духовенства не знаютъ. Не говорю, что бы оно было безукоризненно, совершенно; нѣтъ, — но утверждаю, что на него клевещутъ, что оно образованнѣе, нравственнѣе, нежели какъ то обыкновенно говорятъ и пишутъ. Скажу съ сожалѣніемъ, но безъ горечи: у него недостаетъ сверхъестественной жизни, а особенно сверхъестественнаго мужества. Да и справед-

ливо ли вмѣнять ему въ преступленіе отсутствіе геройскаго духа? Есть обстоятельства, въ которыхъ геройство такъ трудно, что почти невозможно. Равно несправедливо было бы ставить все русское духовенство на одну линію, подъ одинъ уровень, и не различать въ немъ двухъ оттѣнковъ, двухъ отдѣловъ, немного похожихъ на то, что въ Англіи называютъ верхнею и нижнею Церковью.

Та часть русской Церкви, которая болѣе сходна съ нижнею англиканскою, безъ большаго труда ладитъ съ современными обстоятельствами и съ духомъ вѣка; св. Отцевъ и соборныхъ правилъ изучаетъ мало; въ распряхъ между Церковью и правительствомъ считаетъ безполезнымъ выдавать себя за суровую защитницу церковныхъ правъ; а изъ желанія получить отличія — послушна мановенію лицъ раздающихъ чины и почести.

Къ счастію, такимъ путемъ идетъ не все духовенство. Есть священники, монахи, Вла-

дыки, извѣстные своимъ почитаніемъ и любовію къ твореніямъ св. Отцевъ и церковнымъ преданіямъ, рвеніемъ къ вѣрѣ, и покрайней мѣрѣ въ душѣ своей еще не отрекшіеся отъ правъ на независимость Церкви. Теряясь въ толпѣ, они втайнѣ стенаютъ о настоящемъ, вздыхаютъ о прошедшемъ, и призываютъ лучшее грядущее. Ихъ-то я и сравниваю съ верхнею Англиканскою Церковью, и въ нѣкоторомъ смыслѣ даже съ тамошними пюзеитами, не забывая конечно огромнаго разстоянія отдѣляющаго англиканскую церковь отъ русской. — Они-то и составляютъ самую здравую, самую просвѣщенную, самую лучшую часть русскаго духовенства. Докажите только имъ, что возсоединеніе съ Римомъ ничуть не опасно для восточнаго обряда, что для русской Церкви это вѣрнѣйшій залогъ ея независимости, и они не только перестанутъ быть непріязненными возсоединенію, но еще станутъ содѣйствовать оному всѣми силами. А доказать это — очень воз-

можно, и это одна изъ цѣлей настоящаго сочиненія.

Къ указаніямъ, которыя помѣщены выше, и которыя, полагаю, произведутъ нѣкоторое впечатлѣніе на людей благонамѣренныхъ, прибавимъ еще нѣсколько замѣчаній. Предположимъ на минуту, что помянутый проектъ принятъ; разумѣется, дѣло начнется переговорами между представителями трактующихъ сторонъ, а именно Папы, русской Церкви и русскаго правительства. Если переговоры удадутся, заключенъ будетъ договоръ, который обезпечитъ соединеніе русской Церкви съ римскою, сохраненіе восточнаго обряда, свободу русской Церкви; опредѣлитъ образъ избранія епископовъ, ихъ обязанности и кругъ дѣйствія; обезпечитъ также церковныя имущества, монастырьскія льготы, правильное съзываніе помѣстныхъ соборовъ, однимъ словомъ, дастъ Церкви и ея священнослужителямъ свободу пользоваться всѣми своими правами.

Но какъ рѣшить всѣ эти вопросы? Предоставить ли назначеніе епископовъ на произволъ Государя, или избирать ихъ по старинному обычаю? Поставить ли патріарха утверждаемаго Папою, и въ свою очередь поставляющаго всѣхъ другихъ іерарховъ; или передать всю духовную власть собору митрополитовъ, зависящихъ непосредственно отъ самаго Папы, и болѣе или менѣе управляющихъ подвластными себѣ епархіями?

Всѣ эти вопросы и многіе другіе можно было бы разсмотрѣть въ предварительныхъ совѣщаніяхъ предъ заключеніемъ договора; входить же въ разсужденія о нихъ теперь, считаю совершенно безполезнымъ. Довольно уже видно изъ сказаннаго, что подобная сдѣлка не можетъ быть враждебна русскому духовенству.

Укажемъ еще на нѣкоторыя другія выгоды, соединенныя съ нею. Выше было замѣчено, что упреки, дѣлаемые русскому духовенству въ его необразованности, преувели-

чены. Оставивъ въ покоѣ прошлое, нельзя не сознаться, что въ новѣйшія времена духовенство сдѣлало быстрые успѣхи въ церковныхъ наукахъ. Стоитъ только пробѣжать сочиненія, изданныя имъ въ послѣднихъ годахъ; онѣ свидѣтельствуютъ объ его успѣхахъ. Но чѣмъ духовенство образованнѣе, тѣмъ лучше оно оцѣнитъ выгоды, проистекающія отъ тѣснѣйшей связи съ Западомъ; тѣмъ скорѣе пойметь, какъ было бы ему полезно черпать безъ опасенія богословскія свѣденія въ обильныхъ источникахъ латинской Церкви, не покидая впрочемъ своихъ собственныхъ. Съ независимостью и просвѣщеніемъ духовенство возвысилось бы въ общественномъ мнѣніи, и имѣло бы болѣе благотворное вліяніе въ обширномъ кругу своей дѣятельности. Соединясь съ Римомъ, оно ничего не теряетъ, все удерживаетъ, и чрезвычайно много пріобрѣтаетъ. Это очевидно. Какъ скоро будетъ доказано, что соединеніе съ Римомъ — для русской Церкви единственный

залогъ независимости, русское духовенство не только перестанетъ быть враждебнымъ римскому Владыкѣ, но еще сдѣлается самымъ дѣятельнымъ и самымъ ревностнымъ поборникомъ возсоединенія.

Намъ возразятъ: какъ ни велики эти выгоды, русское духовенство никогда не согласится купить ихъ цѣною своихъ православныхъ догматовъ.

Сущая правда! Да мы вовсе и не думаемъ предлагать подобныхъ условій. Договоръ о союзѣ людей не исповѣдующихъ одной и той же вѣры, однихъ и тѣхъ же догматовъ, какою личиною мира и братолюбія его ни прикрывай, все останется мрачнымъ дѣломъ неправды; люди не согласные въ вѣроученіи, не могутъ быть членами одной и той же Церкви.

Итакъ намъ должно разсмотрѣть, есть ли въ ученіи римской и русской Церкви какое либо различіе касательно догматовъ, или нѣтъ? Всякому извѣстно, что къ числу спор-

ныхъ догматическихъ вопросовъ принадлежатъ, покрайней мѣрѣ съ перваго взгляду, преимущественно два: вопросъ объ исхожденіи Св. Духа, и о главенствѣ Папы. — Есть, правда, и другіе спорные пункты, относящіеся къ догматическому ученію; но то вопросы второстепенные, и ихъ рѣшеніе не представитъ никакаго затрудненія, какъ скоро кончится разномысліе объ исхожденіи Св. Духа и о главенствѣ Папы.

Не входя здѣсь въ богословскія пренія, которыя завели бы слишкомъ далеко, сдѣлаемъ одно очень простое замѣчаніе; оно поразитъ каждаго. Спорные пункты догматическаго содержанія имѣютъ иное значеніе въ Церкви римской, и иное въ русской. По ученію католиковъ, Папа — глава Вселенской Церкви, поставленный самимъ Господомъ Нашимъ Іисусомъ Христомъ; Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына. Для нихъ это догматы вѣры, которые каждый католикъ долженъ принимать; иначе онъ не католикъ.

Для Русскаго же, для православнаго, эти вопросы еще не были предметомъ догматическаго опредѣленія; и въ тоже время ему нельзя ставить ихъ на ряду съ ересями, осужденными православною Церковью: для него это ни догматы, и ни ересь, а просто богословскія мнѣнія, которымъ каждый православный волепъ вѣрить или не вѣрить. Восточная Церковь, отдѣльно отъ римской, не имѣетъ и не можетъ имѣть инаго непреложнаго, непогрѣшительнаго судилища въ дѣлахъ вѣроученія, кромѣ вселенскаго Собора. Она не признаетъ этой непогрѣшаемости ни въ какомъ іерархѣ взятомъ отдѣльно, не исключая и константинопольскаго патріарха; она никогда не приписывала оной санктпетербургскому Синоду; по ея ученію, не можетъ заблуждаться одинъ вселенскій Соборъ.

Спрашиваемъ: какой вселенскій Соборъ осудилъ римское вѣроученіе? Ужъ не какой либо изъ первыхъ седьми Соборовъ, признаваемыхъ восточною Церковью? Но всѣхъ ихъ

признаетъ и римская; всѣ они предшествуютъ раздвоенію Церкви; слѣдовательно въ нихъ нельзя ничего найти относительно спорныхъ пунктовъ. Изъ соборовъ же бывшихъ по раздвоеніи Церкви, ни одного русскіе не признаютъ Вселенскимъ, т. е. непогрѣшимымъ.

Мало того: по теоріи Русской Церкви, соборъ, въ которомъ не участвуетъ патріархъ Западной Церкви, не можетъ быть Вселенскимъ и слѣдовательно непогрѣшимымъ, какъ бы ни былъ онъ многочисленъ; съ другой же стороны, она не смѣетъ утверждать, что Восточная церковь, сполна присутствующая на соборѣ, представляетъ одна всю Вселенскую Церковь [1].

Я знаю, что въ слѣдствіе этой самой теоріи, она не признаетъ всемірности соборовъ и Западной Церкви, потому что на нихъ не было представителей Восточной Церкви. Но это именно и даетъ мнѣ право утверж-

1. См. сочиненіе Пальмера, Глав. 20 и 21.

дать, слѣдуя ея собственнымъ началамъ, что помянутые спорные пункты не могутъ быть въ глазахъ Грекороссіянъ ни догматами, ни ересью, а только вольными мнѣніями, которыя каждый можетъ или признавать или не признавать; и которыя онъ въ правѣ не только разбирать, но даже и принять. Русская Церковь не можетъ запретить такаго разбора, не впадая въ вопіющее противорѣчіе съ самой собою; и несправедливо было бы съ ея стороны считать еретиками или иновѣрцами тѣхъ, которые слѣдуютъ ученію Церкви римской.

Такое догматическое положеніе Восточной Церкви вообще и Русской въ особенности покажется читателю можетъ быть страннымъ; не смотря на то мы убѣждены, что чѣмъ болѣе онъ углубится въ этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе убѣдится въ совершенной справедливости нашего замѣчанія. Оно тѣмъ болѣе требуетъ быть выставленымъ

во всемъ своемъ свѣтѣ, что изъ рѣшенія этаго вопроса вытекаетъ какъ бы само собою заключеніе о возможности примиренія Востока съ Западомъ.

И дѣйствительно, что раздѣляетъ ихъ? Нѣсколько богословскихъ пунктовъ, провозглашенныхъ въ Римской Церкви догматами вѣры, а въ Восточной еще не провозглашенныхъ. Пусть обѣ Церкви сойдутся на Соборъ: Соборъ этотъ будетъ Вселенскимъ, и слѣдовательно для той и другой, непогрѣшимымъ, непреложнымъ правиломъ вѣры. Онъ рѣшитъ спорные пункты окончательно, доказавъ что противорѣчіе только наружное, видимое; или же освятивъ спорные вопросы печатью догмата, еще не приложенною въ Восточной церкви. Соборъ этотъ или объяснитъ, или опредѣлитъ, и опредѣленія собора признаваемаго всѣми за верховное, неложное судилище Соборной Церкви, сдѣлается для всѣхъ и для каждаго непреложнымъ правиломъ вѣры.

Стало быть, примиреніе возможно : а когда оно сбудется, тогда русская Церковь будетъ вѣрить всему тому, чему вѣрила и прежде, и кое-чему болѣе, и то въ силу собственнаго своего ученія о верховной власти Вселенскихъ соборовъ въ дѣлахъ вѣры.

Выведемъ изъ сказаннаго слѣдующія два заключенія. Во-первыхъ, положимъ, что какой нибудь русскій, рожденный и воспитанный въ греко-россійскомъ законѣ, придетъ чтеніемъ, размышленіемъ, наукою, къ убѣжденію, что на примѣръ, Духъ Святой дѣйствительно исходитъ отъ Отца и Сына, какъ отъ одного и тогоже начала или, какъ выражаются богословы, единымъ дыханіемъ. Спрашиваю, какой іерархъ, какой патріархъ восточной Церкви посмѣетъ объявить его еретикомъ? Не сами ли они единогласно учатъ, что ни епископъ взятый отдѣльно, ни соборъ епископовъ, ни иное какое судилище церковное, исключая Вселенскаго Со-

бора, не можетъ быть названо непогрѣшимымъ?

Слѣдовательно въ Восточной Церкви, пока она будетъ отдѣлена отъ Западной, никакая духовная власть не имѣетъ права запрещать своимъ чадамъ, чтобы онѣ думали о происхожденіи Святаго Духа тоже, что думаютъ послѣдователи римской Церкви. Мнѣніе это будетъ, пожалуй, несогласно съ общепринятымъ въ Восточной Церкви, но еретическимъ, но осужденнымъ конечно не будетъ. Осудить оное могъ бы только одинъ Вселенскій Соборъ: изъ семи же Вселенскихъ Соборовъ ни одинъ того не сдѣлалъ; а осьмаго, по ихъ ученію, до сихъ поръ еще не было.

Во-вторыхъ, русскій Царь, почитается наслѣднымъ покровителемъ церкви, и епископомъ извнѣ. Не разбирая правъ его на это достоинство, допустимъ, что онѣ несомнѣнны. Но несомнѣнно и то, что онѣ не могутъ перейти предѣлы, предписанные самою Цер-

ковью. Восточная Церковь, устами Вселенскихъ Соборовъ, осудила ересь Арія, Македонія, Несторія, Евтихія и Иконоборцевъ. Что русскій Царь, въ силу основныхъ началъ своей Церкви, не терпитъ въ гражданскомъ отношеніи этихъ ересей, это совершенно понятно. Но въ силу какихъ Вселенскихъ правилъ примѣняется законъ той же нетерпимости къ римскимъ католикамъ, или къ русскимъ, принимающимъ римско-католическое вѣроисповѣданіе? Повторяемъ еще разъ: по ученію самой русской Церкви, всѣ спорные вопросы между нею и римскою Церковью до сихъ поръ остаются нерѣшенными, потому что всѣ судьи, до сихъ поръ судившіе объ этомъ предметѣ, были погрѣшимы; и что тотъ судья, котораго она признаетъ непогрѣшимымъ, хранитъ до сихъ поръ вѣковое молчаніе. И въ самомъ дѣлѣ, со временъ Фотія и Керуларія, не было ни одного собора, на которомъ засѣдали бы вмѣстѣ представители Востока и Запада,

и который Восточные христіане признавали бы за вселенскій, и неложный, исключая развѣ соборъ Флорентійскій. Но въ послѣднемъ случаѣ не о чемъ и спорить, и соединеніе Церквей — дѣло рѣшеное.

IV

ИЛИ КАТОЛИЦИЗМЪ, ИЛИ РЕВОЛЮЦІЯ.

Мы, кажется, доказали, что съ церковной точки зрѣнія, предлагаемое возсоединеніе не представляетъ неодолимыхъ препятствій. Да и вообще полагаютъ, что собственно затрудненіе не въ догматическихъ вопросахъ, а въ государственныхъ видахъ, которые, говорятъ, никогда не позволятъ правительству согласиться на такое примиреніе. Разберемъ и эту сторону вопроса прямо и открыто.

Безъ всякаго сомнѣнія соединеніе русской Церкви съ римскою, такъ какъ мы его постигаемъ, повлечетъ за собою возвращеніе русскому духовенству льготъ и воль-

ностей, которыхъ оно теперь не имѣетъ, и освобожденіе его изъ подъ опеки правительства, подъ которою оно находится особенно со временъ Петра I. То и другое необходимо потребуетъ нѣкоторыхъ ограниченій Царскаго полномочія въ духовныхъ дѣлахъ, сдѣлавшагося въ Россіи одною изъ принадлежностей монаршей власти. Итакъ очевидно, что соединясь съ Римомъ, Правительство нѣчто потеряетъ. Но прежде надобно разсмотрѣть, во-первыхъ, не во всякомъ ли случаѣ ожидаетъ его подобная потеря; и во-вторыхъ, эта потеря не принесетъ ли въ замѣну, въ настоящемъ случаѣ, такихъ выгодъ, что вмѣсто потери будетъ выигрышъ?

Во первыхъ, мысль объ освобожденіи русской Церкви изъ подъ опеки мірской власти явно занимаетъ умы въ Россіи, и въ нѣкоторой степени находитъ даже сочувствіе и въ самомъ правительствѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, это броженіе умовъ должно имѣть

послѣдствіемъ возстановленіе патріаршаго престола и независимость русской Церкви. Если это сбудется, то правительство принуждено же будетъ отказаться отъ нѣкоторыхъ церковныхъ правъ, которыми оно теперь пользуется; и въ такомъ случаѣ останется правительству рѣшить одно: кому уступитъ оно духовную власть, незаконно себѣ присвоенную, римскому ли первосвященнику или московскому патріарху? Да и тутъ не надо льститься тщетною надеждою, и предстоящій ему выборъ гораздо важнѣе. Независимость русской Церкви можетъ конечно породить жаркіе споры, и взорвать общественное мнѣніе. Но подобная борьба никогда не кончится мирнымъ образомъ, а произведетъ революцію; революція же вырветъ изъ рукъ Государя уже не ключекъ духовной власти, а совсѣмъ другое. Итакъ, вопросъ объ освобожденіи Церкви, начинающій занимать Россію, — вопросъ великій, — кончится однимъ изъ

двухъ : или католицизмомъ или революціею.

Или католицизмъ или революція, такова дилемма, грозно стоящая за каждымъ вопросомъ въ Россіи, хотя доселѣ государственныя лица, по видимому, не замѣчаютъ этаго. Мы видѣли, какъ этотъ вопросъ возникаетъ по случаю церковной независимости; сейчасъ увидимъ тому и другія доказательства.

Теперь въ Россіи у нѣкоторыхъ вошло въ моду порицать нововведенія и преобразованія Петра I, и чаять возврата временъ допетровскихъ. Этаго новаго направленія въ общественномъ мнѣніи я не осуждаю безусловно; напротивъ того, я нахожу что оно въ извѣстной мѣрѣ справедливо. Преобразованія Петра, часто поверхностныя, наружныя, и всегда насильственныя, не могли не оскорбить чувства народнаго, а порою и христіанскаго. При всемъ томъ, онѣ-фактъ историческій, имѣвшій безчисленныя послѣдствія

въ теченіе почти двухъ столѣтій; фактъ такой важный, что пренебрегать имъ было бы ребячествомъ.

Петръ несомнѣнно ввелъ Россію въ кругъ европейскаго общества, каковы бы ни были принятыя имъ къ тому мѣры. Россія могла оставаться въ своемъ одиночествѣ тогда, когда европейскіе государи и народы смотрѣли на московскаго Великаго Князя какъ на существо фантастическое, въ родѣ персидскаго софи, или Великаго Монгола, или попа Ивана (prêtre Jean). Но эти времена уже давно прошли; Россія вышла изъ своей опричности, и воротиться къ ней рѣшительно не хочетъ. Какъ внутри, такъ и извнѣ, она принимаетъ участіе въ идеяхъ и вопросахъ занимающихъ всю Европу; и хотя она пристала къ европейскому движенію только отчасти, да все же пристала, и отвлечь ее отъ онаго никто уже не въ силахъ.

А что въ Европѣ, въ настоящее время

занимаетъ первое мѣсто? Революція. Какое начало діаметрально противустоитъ революціонному? Католическое. Напрасно стараются увѣрять насъ, будто тутъ дѣло идетъ только о привилегированныхъ кастахъ, противящихся законнымъ требованіямъ общественнаго права, о борьбѣ свободы съ властями. Чѣмъ больше углубляешься въ предметъ, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что все это не что иное, какъ борьба католицизма съ революціею. Когда въ 1848 году революціонный волканъ ужасалъ міръ своими изверженіями и потрясалъ самыя основанія поколебаннаго общества, тогда партія обрекшаяся на защиту общественнаго порядка и борьбу съ революціею, не усумнилась написать на своемъ знамени многозначущія слова : вѣра, собственность, семейство; и выслала въ Италію войска съ повелѣніемъ возстановить на престолъ Христова Намѣстника, изгнаннаго революціонерами. Она знала, что дѣлала : знала, что въ борьбѣ были

только два начала : начало революціонное или антикатолическое, и начало католическое или антиреволюціонное. Не смотря на внѣшнюю сторону событій, въ мірѣ только двѣ враждебныя партіи, два враждебные лагеря. Съ одной стороны — католическая Церковь водружаетъ знамя креста, подъ сѣнію котораго процвѣтаетъ истинный прогрессъ, истинная гражданственность, истинная свобода; съ другой — развивается знамя революціи, около котораго толпятся сонмы враговъ Церкви.

А Россія что? Россія ратуетъ противъ того и другаго, противъ революціи и противъ католицизма. Въ ея внутреннихъ дѣйствіяхъ, равно какъ и во внѣшнихъ — вездѣ тоже противорѣчіе. Скажу прямо : Россія стоитъ грудью противъ революціи, — тутъ ея сила, ея честь; но въ тоже время, вступая въ борьбу съ католицизмомъ, она сама одною рукою разрушаетъ то, что создаетъ другою; въ этомъ противурѣчіи — ея безси-

лiе. Чтобы быть послѣдовательною съ самой собою, и дѣйствительно подавить революцію, единственное средство для нее — стать подъ католическое знамя и примириться съ римскимъ престоломъ.

Этотъ предметъ такъ важенъ, что нельзя на немъ нѣсколько не пріостановиться. Итакъ взглянемъ на настоящее расположеніе умовъ въ Россіи.

Со временъ Петра русскій народъ, такъ сказать, дѣлится на двое : одни вкусили отъ древа познанія добра и зла, т. е. европейской гражданственности; другіе остались при своихъ старинныхъ обычаяхъ, старинныхъ воззрѣніяхъ и нравахъ, однимъ словомъ, при томъ, что Петръ I и Екатерина II называли варварствомъ, и что нѣкоторые восторженные поклонники старины думаютъ навязать нынѣшней Россіи, какъ самородную и плодотворную форму гражданственности.

У насъ католиковъ, равно какъ и у революціонеровъ, въ обѣихъ партіяхъ есть и друзья

и недруги. Начнемъ съ приверженцевъ революціи. Прежде всего замѣтимъ, что успѣхами революціи у себя Россія обязана самому Петру, своему преобразователю. Еще до Екатерины II, невѣріе успѣло заразить высшіе слои русскаго общества; а при ней духъ энциклопедистовъ, возмутившій весь общественный порядокъ во Франціи, и приготовившій торжество революціи, былъ господствующимъ при Петербургскомъ Дворѣ; и въ настоящее время едва ли найдется въ Европѣ другое государство, гдѣ бы считалось столько вольтеріанцевъ, какъ въ Россіи.

При Александрѣ I, мысль о свободѣ, вскружившая столько молодыхъ головъ во Франціи, Германіи, Италіи и Испаніи, не осталась чуждою и Россіи, гдѣ оттолѣ завелись тайныя общества, многочисленныя и сильныя. Въ царствованіе Николая успѣхи революціоннаго духа были не менѣе быстры и грозны, хотя и не такъ явны. — Нѣмецкая философія, особенно идеи Гегеля, са-

мыя демагогическія и, какъ нынѣ выражаются, радикальныя, распространились по всей Россіи, благодаря университетскому преподаванію, и покровительству самаго правительства.

Въ началѣ царствованія, правительство заботилось о томъ, какъ бы исключить изъ учебныхъ заведеній элементы иноземные, и замѣнить ихъ народными. Не доставало профессоровъ. Какъ добыть ихъ? Другаго средства не было, какъ послать за границу отборнѣйшихъ молодыхъ людей для усовершенствованія ихъ въ наукахъ. Но куда послать? Два рода государствъ казались опасными: тѣ, въ которыхъ введено было конституціонное правленіе, и тѣ, въ которыхъ господствовала вѣра католическая. Итакъ рѣшено было послать будущихъ просвѣтителей Россіи — въ Берлинъ.

Въ Берлинѣ, какъ разъ они сдѣлались жаркими приверженцами Гегелевыхъ идей. Хотя правительству и было представляемо, что

молодые профессора получали вредное направленіе; однако жь, по причинамъ доселѣ неизвѣстнымъ, представленія оставлены были безъ вниманія. Вскорѣ главныя университетскія каѳедры были заняты этими опасными восторженниками, и ихъ ученіе быстро распространилось повсюду. Учители въ гимназіяхъ, профессора, журналисты, писатели, получившіе образованіе въ университетахъ, стали въ свою очередь проповѣдывать теоріи слышанныя на лекціяхъ. Ни цензура, ни таможня, ни полиція (не смотря на ея недовѣрчивую, безпокойно-дѣятельную бдительность) не могли остановить прилива революціонныхъ идей, благодаря причудливой терминологіи, доступной однимъ посвященнымъ въ тайны этаго новаго толка.

Наконецъ 1848ой годъ раскрылъ глаза правительству; но средствъ помочь бѣдѣ не нашлось. Оно удвоило преграды къ распространенію идей и наукъ; а замѣнить зловредное ученіе началами здравыми, спаситель-

ными было не въ состояніи. Въ основаніе жалкой системы образованія національнаго, принесшей одни недозрѣлые плоды, положено было православіе, самодержавіе и народность; и все это повело къ торжеству германской философіи, къ Фейербахову безбожію, къ отъявленному соціализму и радикализму.

Чтобы составить себѣ объ этомъ нѣкоторое понятіе, стоитъ только пробѣжать сочиненія, издаваемыя Г. Герценомъ на русскомъ языкѣ въ Лондонѣ. Я не оскорблю ни полсловомъ этого даровитаго писателя, занимающаго особое мѣсто въ нашей литературѣ. Скажу болѣе. Я невольно ощущаю въ себѣ какое-то горестное сочувствіе къ его пылкому и уязвленному духу, къ его высокомѣрному разуму и необузданному сердцу. Ахъ! если бы ему дано было познать христіанскую истину, озариться свѣтомъ Христовой благодати! Онъ принесъ бы тогда совсѣмъ иные плоды. Но, заплативъ повинный долгъ ува-

женія къ дарованіямъ Г. Герцена, я долженъ признаться, что не могу читать его безъ содроганія.

Такъ, въ первомъ нумерѣ его «Полярной звѣзды» помѣщены въ переводѣ одобрительныя письма, полученныя имъ отъ предводителей европейской демагогіи. Письма эти писали Прудонъ, Ледрю-Ролленъ, Маццини; не смотря на то въ сравненіи съ сочиненіями русскихъ революціонеровъ — онѣ кажутся ласковыми, кроткими, мирными. Эта противоположность показываетъ, какъ различно понимаютъ революціонное начало на западѣ, и у насъ, и какъ наши примѣнили бы оное у себя на дѣлѣ. — Особеннаго вниманія заслуживаетъ переписка Бѣлинскаго съ Гоголемъ: она коротка, но поучительна и стоитъ цѣлыхъ томовъ.

Таковы успѣхи революціи въ Россіи; таковы плоды европейскихъ идей. Взглянемъ теперь на ея приверженцевъ въ старой московской партіи. Всего соблазнительнѣе, или

лучше сказать, всего обаятельнѣе дѣйствуетъ на эту партію призракъ троякаго единства, духовнаго, политическаго и народнаго. Цѣль ея дать каждому изъ оныхъ равный объемъ, и такимъ образомъ слить всѣ въ одно, и тѣмъ упрочить ихъ торжество. Это начало примѣняется ко всей политикѣ, какъ внутренней, такъ и внѣшней.

Внутри Россіи, надо, въ силу этаго начала, уничтожить всѣ различія религіозныя, гражданскія и народныя, препятствующія идеальному единообразію Имперіи. Такъ, всякое духовное общество, неподвѣдомственное Синоду, должно исчезнуть, какъ иновѣрное; все инородное должно быть поглощено народностью русскою; всѣ льготы, всѣ слѣды древнихъ государственныхъ учрежденій, всѣ права, дарованныя издревле различнымъ областямъ и даже цѣлымъ царствамъ, присоединеннымъ теперь къ Имперіи — все это также должно исчезнуть и уступить мѣсто внутреннему безусловному единству рели-

гіозному, политическому и національному, или, какъ говорятъ въ Россіи, православію, самодержавію и народности.

Внѣ Россіи, политическая программа совершенно согласна съ изложенными началами. Такъ, внѣ Имперіи, т. е. внѣ сферы самодержавія, есть цѣлыя племена, связанныя узами родства духовнаго и кровнаго съ русскими подданными. Всѣ восточные Христіане, къ какой бы народности они ни принадлежали, и всѣ Славяне, какого бы они ни были вѣроисповѣданія, должны слиться въ одно огромное, политическое цѣлое, то есть войти въ составъ русской Имперіи, гдѣ тождество ихъ съ нею довершится уже само собою. Когда же такимъ образомъ троякое единство, религіозное, политическое и національное, или православіе, самодержавіе и народность, получатъ одинъ и тотъ же размѣръ, и опутаютъ однѣ и тѣже лица, тогда Россія неминуемо сдѣлается огромнымъ, славянскимъ, православнымъ царствомъ. Планъ, конечно,

величественный и простой; онъ не можетъ не льстить побужденіямъ и страстямъ тѣхъ, для кого былъ придуманъ.

Но кто не видитъ въ этомъ огромномъ проектѣ революціоннаго направленія? И въ самомъ дѣлѣ: въ глазахъ представителей помянутой партіи, самодержавіе не что иное какъ путь къ побѣдѣ, орудіе необходимое для битвы, диктатура, обязанная соединить въ одно цѣлое всѣ славянскія племена, и всѣхъ восточныхъ христіанъ. Но когда пробьетъ для самодержавія роковой часъ, тогда, чтобы сбыть его съ рукъ, выведутъ безъ всякаго затрудненія изъ этой же самой народности начала политическія, какъ нельзя болѣе республиканскія, коммунистическія, радикальныя. Покамѣсть эти начала стоятъ на второмъ мѣстѣ, въ тѣни; но онѣ тѣмъ не менѣе важны во мнѣніи людей, посвященныхъ въ тайны этой партіи.

Тоже должно сказать о православіи. Подъ этимъ именемъ самые горячіе привер-

женцы православія смѣшиваютъ религію съ политикою и народными страстями. Странные христіане! у которыхъ понятія о божествѣ Іисуса Христа еще такъ шатки, и которыхъ, сказать по правдѣ, не столько занимаетъ мысль о жизни будущаго вѣка, или о путяхъ, ведущихъ къ вѣчному блаженству, сколько мечта о всемірномъ господствѣ ихъ Церкви. Въ доказательство сказаннаго, стоитъ только посмотрѣть, какъ скоро эти ревностные заступники православія ладятъ съ послѣдователями Гегелевой философіи, касательно вопроса объ отношеніи Церкви къ Государству.

Наконецъ даже и началу народности дано неестественное направленіе, дѣлающее изъ нее постоянное орудіе революціи. Дѣйствительно, если бы желаніе удовлетворить требованіямъ славянской народности было искреннее, въ такомъ случаѣ не слѣдовало приносить народность польскую въ жертву русской, ни упускать изъ виду народность

сербскую или чешскую. Каждой Славянской народности надо было дать полную волю развиваться свободно, рядомъ съ другими, и усвоивать себѣ, подъ взаимнымъ вліяніемъ, лучшіе плоды европейской гражданственности. Но нѣтъ, такое естественное, самородное и историческое развитіе не нравится пламеннымъ панславистамъ. Они хотятъ наложить свою теорію насильно, устроить общественный бытъ по собственнымъ, отвлеченнымъ формамъ; а чтобы сохранить какую нибудь личину законности, они увѣряютъ, будто эти формы совершенно въ духѣ славянскаго характера.

Изъ сказаннаго довольно видно, что кроется подъ пышными словами: православіе, самодержавіе, народность. Не иное что, какъ революціонная идея XIX вѣка, въ восточномъ покроѣ. Сравните московскихъ славянофиловъ съ юною Италіею; васъ поразитъ ихъ сходство. Та и другая партія домогается единства религіознаго, политическаго,

національнаго, хотя и подъ различными видами; въ сущности же подъ этими поисками скрывается одна и таже идея, или просто, какъ говорятъ Итальянцы, идея. Какая именно? Угадать не трудно: революціонная. Только сомнительно, чтобы западные демагоги, не исключая и итальянскихъ, выдумали, для несомнѣннаго дѣйствія на массу народную, что либо лучше панславизма, т. е. такаго общества, въ которомъ каждый членъ остается при своихъ любимыхъ мысляхъ и завѣтныхъ видахъ, въ надеждѣ осуществить ихъ вполнѣ въ торжественный часъ побѣды. Есть въ немъ и республиканцы, согласные на самодержавіе, какъ на диктатуру полезную на время, и готовые сбросить ее при первомъ случаѣ. Есть и добродушные христіане, воображающіе себѣ, что все это кончится свободою Церкви и торжествомъ Евангелія. Есть и дипломаты, пользующіеся всѣми этими страстями и мечтаніями изъ личныхъ выгодъ честолюбія,

что однако не мѣшаетъ революціонной идеи идти впередь своимъ путемъ.

Съ другой стороны, католицизмъ имѣетъ и друзей въ той и другой партіи. Европейская гражданственность несомнѣнно есть произведеніе вѣры католической. Протестанты родились на свѣтъ, такъ сказать, вчера; и завтра ихъ не станетъ. На все основное въ европейской гражданственности католицизмъ имѣлъ благотворное вліяніе. Стало быть, все что въ партіи приверженной западнымъ идеямъ есть противнаго революціи, должно быть склонно къ католицизму. Равнымъ образомъ и партія національная склонна къ оному — можетъ быть и безсознательно — во всемъ томъ, что чуждо революціонному направленію. Самое православіе, выставляемое на первомъ планѣ, и по словамъ славянофиловъ, носящее въ своихъ нѣдрахъ цѣлый міръ идей и учрежденій, доселѣ невѣдомый, на дѣлѣ и исторически сливается съ католическою вѣрою въ одно.

По большей части приверженцы этой партіи отвергаютъ католицизмъ единственно изъ недоразумѣнія. Они дорожатъ восточнымъ обрядомъ и славянскимъ языкомъ; они воображаютъ, будто это несовмѣстно съ католическимъ закономъ; и такимъ образомъ, сами того не зная, приближаются къ нему болѣе и болѣе, и подчиняются его вліянію.

Остановимся здѣсь на минуту, и взглянемъ еще разъ на главное событіе новой русской исторіи, на преобразованія Петра. — Петръ I хотѣлъ исторгнуть Россію изъ рукъ варварства, и сдѣлать ее причастницею европейской образованности. Замыслъ Петровъ нашелъ въ Россіи какъ приверженцевъ, такъ и враговъ, и борьба длится по сію пору. Одни смотрятъ на Петра, какъ на творческаго преобразователя; другіе укоряютъ его за то, что пренебрегши самобытными, плодотворными элементами народной жизни, онъ предпочелъ имъ тщеславное и безплодное

подражаніе чужему. — По мнѣнію первыхъ, Петръ — олицетвореніе гражданственности; по увѣреніямъ другихъ, — онъ самый страшный врагъ русской народности.

Ни тѣ ни другіе не правы вполнѣ. Вмѣсто того, чтобы забросить въ русскую почву плодотворныя сѣмена, принесшія на западѣ цвѣты и плоды гражданственности; вмѣсто того, чтобы привить къ Россіи то, что составляетъ сущность и основу европейской образованности, и сообщить ей европейскую жизнь, Петръ ограничился заимствованіемъ однихъ готовыхъ результатовъ иноземной гражданственности. — У него не хватило терпѣнія сѣять, садить, поливать и просить Господа о приращеніи. Онъ пренебрегъ причинами, и занимался однѣми послѣдствіями. Такъ дитя, завидя красивый цвѣтокъ, спѣшитъ сорвать его, и садитъ въ песокъ, воображая, что тамъ онъ пуститъ корни.

Другими словами, дѣло Петрово было насильственное, не національное, не христіан-

ское. То было не преобразованіе, — то есть, медленное и терпѣливое искорененіе злоупотребленій, благотворное исправленіе недостатковъ, неизбѣжныхъ во всякомъ твореніи человѣческомъ, — а насильственный переворотъ. Отсюда становится понятнымъ, отъ чего, допуская въ попыткѣ Петра I то, что есть хорошаго, многіе отвергаютъ все носящее на себѣ характеръ революціонный, противухристіанскій. Понятно и то, что можно не принимать злоупотребленій, вкравшихся въ государственный, духовный и общественный бытъ древней Россіи, въ слѣдствіе ея отчужденія отъ остальной Европы, равно какъ и трехъвѣковаго ига Монгольскаго, и въ тоже время оставаться неизмѣннымъ ревнителемъ христіанской мысли, такъ ярко озарявшей первобытную Русь; ревнителемъ исконныхъ формъ запечатлѣнныхъ христіанскою вѣрою, роднаго языка, роднаго духа, народныхъ нравовъ и обычаевъ; однимъ словомъ, всего того, что не противно

истинному и благому. Скажу болѣе. Приверженцы русской народности, искренно желающіе возвратить русской Церкви ея прежній блескъ, ея самостоятельность и вліяніе на всѣ сословія общества, должны прежде всего поборать начала Февроніанскія, протестантскія, вольтеріанскія, гегеліанскія и тому подобныя антикатолическія начала, заимствованныя нами, на бѣду, у западныхъ сосѣдей. И въ тоже время, чтобы быть послѣдовательными, они должны принять участіе въ духовномъ движеніи или возрожденіи, которымъ такъ осязательно и такъ глубоко проникнута Европа въ настоящее время. Имъ нельзя остаться чуждыми проявляніямъ духа, не только не враждебнаго своему собственному, но еще и сроднаго съ нимъ. У истинныхъ ревнителей христіанской вѣры, какъ на Западѣ, такъ и но Востокѣ, враги — одни и тѣже, выгоды — однѣ и тѣже; и хотя они не принадлежатъ къ одному и томуже воинству, однакоже стоятъ подъ знаменами со-

южными, и ратуютъ съ одною и тою же цѣлію.

Кромѣ того они могутъ придти къ тѣмъ же результатамъ и инымъ путемъ. Имъ дорого былое : нѣкоторые изъ нихъ мечтаютъ о возстановленіи патріаршаго престола ; почти всѣ принимаютъ съ любовію и благоговѣніемъ ученіе и примѣры поданные первобытною Христовою Церковью ; всѣ со вниманіемъ слушаютъ гласъ св. Отцевъ Церкви и Соборовъ. Но этотъ возвратъ къ былому, это благоговѣніе предъ стариною необходимо переноситъ къ тѣмъ временамъ, когда Востокъ и Западъ были въ единеніи, и составляли единую Церковь, хотя и употреблявшую два языка, греческій и латинскій. Итакъ съ какой точки ни смотри, оказывается, что всѣ русскіе, истинно преданные Господу Нашему Іисусу Христу и его Церкви, въ сущности должны искренно желать примиренія съ западными христіанами. Допустимъ на минуту, что примиреніе восточной Церкви съ

римскою дѣйствительно состоялось на помянутыхъ условіяхъ : немедленно революція побѣждается, католическое начало торжествуетъ, всѣ благородные помыслы, всѣ великодушныя стремленія, однимъ словомъ, все, что обѣ господствующія партіи содержатъ въ себѣ великаго и праведнаго, осуществляется на самомъ дѣлѣ.

Тоже надо сказать и о внѣшней политикѣ. Россія всегда будетъ первенствовать между славянскими племенами и между народами восточнаго обряда. Притомъ какое почетное мѣсто могла бы она занять и между державами католическими? Разомъ она нашла бы сочувствіе и любовное расположеніе въ безчисленныхъ католикахъ, разсѣянныхъ по всему лицу вселенной. Въ Римѣ, недовѣрчивость уступила бы мѣсто полнѣйшему довѣрію.

Если же взглянемъ на славянскія племена отдѣльно, то немедленно убѣдимся, что только подобная сдѣлка въ состояніи поло-

жить конецъ ихъ семейнымъ, губительнымъ раздорамъ. Внутри Россіи — польскій вопросъ сталъ неисчерпаемымъ источникомъ затрудненій и опасеній, большая часть которыхъ была бы отстранена церковнымъ примиреніемъ. Скажу болѣе. Въ нѣдрахъ самой русской націи — живетъ разъединеніе. Высшія сословія общества, имѣющія болѣе тѣсныя связи съ западною Европою, переняли у нее, вообще говоря, болѣе худаго нежели хорошаго; онѣ сдѣлались чуждыми родпымъ преданіямъ, чуждыми русской жизни и складу русскаго ума. Это отсутствіе гармоническаго согласія въ нѣдрахъ одного и тогоже общества должно поразить каждаго; и русское правительство, безъ сомнѣнія, видитъ грозу, скопляющуюся съ этой стороны.

Какъ же выйти изъ такаго положенія? отторгпуться отъ западной Европы, отвергнуть все сдѣланное Петромъ I, Екатериною II, Александромъ I? Отпятиться къ временамъ

Царя Алексѣя Михайловича, если не Грознаго? Но это значило бы пытать невозможное. Нѣтъ, для Россіи единственное средство спасенія — въ такомъ духовенствѣ, которое имѣло бы вліяніе на всѣ сословія, проповѣдывало бы всѣмъ одно и тоже ученіе, давало бы простолюдину образованіе и умственное и нравственное, и въ тоже время разсѣевало въ умахъ русскихъ дворянъ тучи вольтерова легкоумія или Гегелева лжемудрія. Но даровать русскому духовенству вліяніе, уваженіе, просвѣщеніе и сверхъестественное самоотверженіе — безъ чего оно никогда не выполнитъ этой священной обязанности — возможно не иначе, какъ даровавъ ему независимость; а независимость духовенства имѣетъ необходимымъ условіемъ воссоединеніе со средоточіемъ церковнаго единства, однимъ словомъ, предлагаемую нами сдѣлку.

А что, если бы мы остановили взоры читателя на безчисленныхъ толкахъ, кото-

рыхъ русское духовенство, какъ извѣстно, не въ силахъ привесть къ повиновенію? Они висятъ надъ нимъ огромною, ужасною тучею: это готовыя рамы для тайныхъ обществъ. Пусть явится какой нибудь человѣкъ, соединяющій въ себѣ способности и страсти Пугачева и Маццини, и мы увидимъ, какія страшныя грозы таятся въ нѣдрахъ этихъ толковъ. Повторяемъ, изъ двухъ одно: или католицизмъ или революція. Русская Церковь безсильна; Царская власть можетъ только отсрочить взрывъ; съ каждымъ днемъ столкновеніе расколовъ съ началомъ революціоннымъ становится болѣе и болѣе неминуемымъ. Медлить нечего; а иного средства отвратить грозу, кромѣ народнаго, русско-католическаго духовенства, сколько ни ищу, не вижу.

Говорить ли о многочисленныхъ племенахъ, различныхъ и по языку и по вѣроисповѣданію, и заключающихся въ предѣлахъ русской Имперіи? И они вѣдь призваны къ

гражданственности; и ихъ надо привязать къ общей отчизнѣ, не насиліемъ, а иными средствами. Не хочу уменьшать заслуги усердныхъ миссіонеровъ, оглашавшихъ эти народы проповѣдію въ послѣднія времена; отдаю полный долгъ уваженія къ ихъ трудамъ, ихъ доброй волѣ, самоотверженію, крѣпости духа, непоколебимому постоянству; но спрашиваю одно: не въ правѣ ли мы ожидать болѣе плодовъ отъ такихъ подвиговъ, и болѣе успѣха отъ такихъ усилій?

Если же теперь перейдемъ за рубежи русской Имперіи, какое неизмѣримое поприще открывается предъ нашими взорами! Отъ чего бы русскимъ миссіонерамъ, съ крестомъ въ рукѣ, не пуститься на мирное завоеваніе огромнаго азіатскаго материка? Католическіе миссіонеры стараются проникнуть туда съ юга; мнѣ всегда казалось, что они нашли бы обильнѣйшую жатву, если бы могли открыть себѣ путь въ средину Азіи съ сѣвера. Въ средней Азіи — средоточіе буддизма. Знаменіе

креста, будучи водружено тамъ незыблемо, озарило бы благодатными лучами Христовой вѣры сосѣдственный Китай, Индію и всѣ восточныя края; и Магометанство, уже угрожаемое на берегахъ Средиземнаго моря, было бы угрожаемо и съ тыла. Духъ наполняется восторгомъ при мысли о всемірныхъ послѣдствіяхъ, которыя неминуемо повлекло бы за собою обращеніе Азіи. Конечно, военное искуство и промышленность могутъ одарить эти неизмѣримыя края дивными произведеніями Европейскаго генія: желѣзныя дороги, электрическіе телеграфы пожрутъ пространства, уничтожатъ разстоянія; но привить къ Азіи истинную гражданственность — можетъ только христіанская вѣра. Не стану распространяться ни о выгодахъ, какія получила бы Россія отъ такаго преобразованія Азіи, ни о томъ, какъ было бы Россіи полезно скорѣйшее осуществленіе онаго; замѣчу одно, самое важное, а именно, что мирное завоеваніе должно быть ввѣрено

миссіонерамъ русскимъ, продпочтительно предъ иноземными: Русскія же миссіи очевидно останутся безплодными, пока члены ихъ не будутъ въ общеніи съ живымъ средоточіемъ единства, и благословлены на проповѣдь Намѣстникомъ Господа Нашего Іисуса Христа.

Итакъ, согласясь на освобожденіе русской Церкви и на возстановленіе общенія съ римскимъ престоломъ, русское правительство, правда, принуждено будетъ отказаться отъ нѣкоторой доли своей власти; однако же это пожертвованіе не останется безъ вознагражденія. Ученіе ришерово и февроніево усвоено было въ XVIII вѣкѣ большею частію Европейскихъ державъ. Имъ питалась политика Іосифа II, Шуазеля, Помбаля и Тануччи; но оно уже отжило свое время, и государства наиболѣе просвѣщенныя теперь знаютъ по опыту, что лишая Церковь свободы, онѣ отнимаютъ у нее силу, а у самихъ себя необходимую опору. Тѣже мысли просвѣчиваютъ уже и въ

С. Петербургскомъ кабинетѣ; и тамъ начинаютъ сознавать, на сколько Петръ I повредилъ Россіи уничтоженіемъ церковной независимости; подумываютъ о возвратѣ къ былому; и скоро, надѣемся, придутъ къ убѣжденію, что иначе нельзя возвратить Церкви ея свободу, дѣятельность и жизнь, какъ возобновивъ союзъ, долженствующій связать ее со средоточіемъ, и такъ сказать, съ сердцемъ всего христіанскаго міра.

Заключаемъ. Великое дѣло примиренія русской Церкви съ римскою не причинитъ никакихъ важныхъ ущербовъ царской власти. Съ другой стороны, русская Церковь, какъ мы видѣли, не только ничего не потеряетъ, но еще найдетъ въ возсоединеніи единственную поруку за свою независимость и свое достоинство. О благонамѣренности же Римскаго Главы и говорить излишне. Союзъ зависитъ единственно отъ этихъ трехъ властей: безъ ихъ взаимнаго согласія — не выйдетъ ничего; при содѣйствіи же ихъ — все

устроится безъ затрудненія. За содѣйствіемъ дѣло не станетъ, какъ скоро будетъ дознано, что оно выгодно для всѣхъ и каждаго.

Эта истина для меня очевидна; но я желалъ бы разсѣять тучи предразсудковъ, страстей и невѣжества, омрачающія ее отовсюду; я желалъ бы пригласить на это великое дѣло всѣхъ людей благонамѣренныхъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали. Часъ гласности пробилъ. Разберемъ же, по одиначкѣ всѣ затрудненія, всѣ возраженія; постараемся соединенными силами разъяснить ихъ, и тѣмъ самымъ разрѣшить; отстранимъ безвременныя обвиненія, духъ распри и злопамятства; будемъ искать одного — торжества истины. Истина доступна уму каждаго; каждый обязанъ признавать ее и привѣтствовать, любить и приводить въ дѣло.

Пусть только эта мирная разработка идетъ своимъ путемъ и развивается самобытно; черезъ нѣсколько лѣтъ, всякій будетъ дивиться тому, какъ мысль о необходимости

примиренія могла распространиться въ умахъ съ такою быстротою. Сегодня одинъ я спрашиваю: примирится ли русская Церковь съ римскою? Вскорѣ, надѣюсь, станутъ спрашивать тоже самое всѣ; и когда вопросъ сдѣлается общеизвѣстнымъ, за отвѣтомъ дѣло не станетъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Отъ переводчика	
Введеніе	1
Глава I. Обрядъ.	7
Глава II. Церковь и Государство	24
Глава III. Русское духовенство.	49
Глава IV. Или католицизмъ или революція. . . .	68